

Управляющая кухней в ужасе рухнула на колени:

— Нет, Ванъе, у рабыни не хватило бы смелости!

Остальные слуги поспешили последовать её примеру.

— Ты считаешь, что я глухой? — Лэн Цзилинь холодно оглядел присутствующих. — Говори! Кто дал тебе право распоряжаться?

— Это... — она не могла же признаться, что всё произошло из-за того, что Ванфэй не пользуется благосклонностью господина.

— Вывести всех, кто здесь находится, и забить палками до смерти. Никого не щадить.

Он ненавидел, когда его обманывали, и ещё больше презирал, когда его пытались водить за нос, особенно кучка прислуги.

— Нет, не надо! — Хуа Ию шагнула вперёд, пытаясь остановить гвардейцев. Хотя на кухне было не так много людей, там собралось не меньше двадцати человек, и массовая казнь была бы верхом неблагоразумия.

— Ию, помни: если проявишь слабость сейчас, в следующий раз кто-нибудь другой осмелится испытать твоё терпение.

— Но ведь среди них есть и те, кто не был замешан в этом деле!

— Знали, но не донесли — вина ничуть не меньше.

Хуа Ию не могла спокойно смотреть на то, как вся кухня зашлась в рыданиях, а самые пугливые уже начали падать в обморок от страха.

— Ванъе, позволь мне разобраться с этим, хорошо?

— О? — Лэн Цзилинь приподнял бровь. — Ты так хочешь их спасти?

— Не то чтобы хочу, но приходится. Столько жизней загубить из-за пустяка — если слухи разойдутся, это будет не лучшим образом выглядеть.

— Достаточно казнить только её одну, — она указала на управляющую.

Услышав слова Хуа Ию, управляющая задрожала ещё сильнее, её ноги подкосились, и она принялась отчаянно бить поклоны:

— Ванфэй, пощадите! Рабыня больше никогда не посмеет!

— Увести и забить до смерти, — бесстрастно распорядилась Хуа Ию.

Несколько стражников подошли, подняли управляющую и, не обращая внимания на её крики, поволокли прочь. Вскоре во дворе раздались душераздирающие вопли.

— Докладываю Ванъе и Ванфэй: управляющая испустила дух.

— Понятно. Свободны, — бросил Лэн Цзилинь. Он не ожидал, что этот малыш окажется таким проницательным и при этом столь решительным в своих действиях.

— Все присутствующие видели: пусть я и не пользуюсь любовью Ванъе, но я всё ещё Ванфэй этого поместья. Кто посмеет повторить подобную ошибку, того ждёт та же участь, что и управляющую.

— Рабы поняли.

— Рабы поняли.

...

Все присутствующие, перепуганные до смерти и радующиеся тому, что им удалось сохранить свои жизни, поспешно закивали.

— Ты... — Хуа Ию указал на служанку, стоявшую в самом конце. — Отныне ты будешь здесь главной. Постарайся не разочаровать меня.

— Слушаюсь, слушаюсь, рабыня всё запомнит! — Хуа Ию помнил эту девушку: именно она в тот день предупредила его, что еда испорчена, и просила не есть её.

Лэн Цзилинь всё больше проникался уважением к своей Ванфэй.

— Ию...

— Что случилось, Ванъе?

— Зови меня по имени.

— ??? — Хуа Ию был озадачен. С чего это вдруг ему менять обращение? Ведь раньше он всегда называл его Ванъе.

— Что? Не можешь?

— Лэн Цзилинь, — осторожно произнёс Хуа Ию.

— Хм. Отныне право управления домом переходит к тебе. Что бы тебе ни понадобилось, кто бы тебе ни пришёлся не по нраву — можешь распоряжаться самостоятельно. Управляющий Гао, отныне будешь помогать Ванфэй в делах поместья.

— Слушаюсь! — отозвался управляющий Гао.

— Управляющий? Это не слишком хорошо, разве управляющий Гао не справлялся со своими обязанностями?

— Ты здесь хозяин, моя Ванфэй. Если не ты будешь этим заниматься, то кто?

Хуа Ию внезапно осенило:

— Тогда... могу ли я взять немного серебра из казны и пойти в игорный дом?

— Это зависит от того, выдержит ли твоё мягкое место мою порку.

— ...Тогда в этом нет никакого смысла, — пробормотал Хуа Ию, недовольно надувшись.

— Но ты можешь пойти в казну и брать столько денег, сколько захочешь.

— Правда? — глаза Хуа Ию загорелись алчностью. Денег в поместье Ванье, должно быть, в десятки раз больше, чем в его родном поместье Шаншу.

— Угу, — Лэн Цзилинь, глядя на то, как Хуа Ию радуется деньгам, едва заметно улыбнулся.

— И ещё, ты не та Ванфэй, которая не пользуется любовью.

Сказав это, Лэн Цзилинь развернулся и ушёл. Хуа Ию так и остался стоять в оцепенении. С тех пор как он переступил порог этого дома, он постоянно пребывал в подобном состоянии.

— Эй, подожди! Что ты имел в виду?

<http://bllate.org/book/18640/1795098>